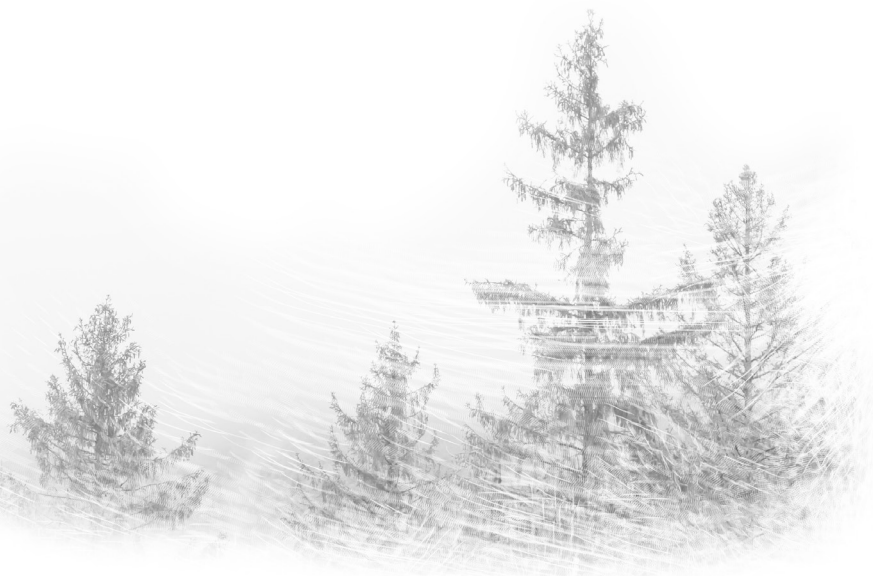

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

ПРОНЗИТЕЛЬНАЯ НОТА ОДИНОЧЕСТВА: ДУХОВНЫЙ КРИЗИС

Говаривают, что блюграсс-музыкант* Билл Монро в детстве прятался в тех лесах штата Кентукки рядом с железной дорогой, о которых позже сложили знаменитую песню¹¹. Маленький Билл наблюдал за ветеранами Первой мировой, возвращавшимися по шпалам с войны. Измученные солдаты устало брели домой. Их долгие, пронзительно-тонкие стоны разрезали воздух, подобно полицейской сирене, — вопли боли и свободы, от которых кровь стыла в жилах.

По крайней мере, так рассказывает Джон Хартфорд, еще один известнейший блюграсс-музыкант. Закончив историю, он берет пронзительно высокую ноту. Слышишь этот протяжный крик-стон, и картинка становится объемной. Ах, вот о чем он говорит! Это не ободряющий возглас и не болезненный вопль — скорее что-то среднее. В стоне Джона (и Билла) отчаяние перемешано с искуплением, да так густо, что ложка стоит. Звук из другого времени и другого места.

Билл Монро вырос и основал новое музыкальное направление — блюграсс. Он будет часто вспоминать тот самый стон, с которого все началось. Сейчас мы называем его *пронзительной нотой одиночества***.

Высокое пронзительное звучание — визитная карточка блюграсса. Эта традиция возвращает нас к Биллу Монро, Роско Холкомбу — и мятликовому штату Кентукки. Музы-

* Блюграсс (англ. *Bluegrass*) — направление музыки кантри, происходящее, в первую очередь, из штата Кентукки («штат мятлика»), которому оно и обязано своим названием (*bluegrass* — мятлик). — *Примеч. перев.*

** Англ. *high lonesome sound*.

ка заставляет остановиться и прислушаться. Но сделать это трудно: она наполнена болью.

От песни Рокко *I'm a Man of Constant Sorrow* («Я человек бесконечной тоски») ¹², которую он поет а капелла, стрелой пронзая голосом воздух, у меня волосы встают дыбом. А от песни *I'm Blue, I'm Lonesome* («Мне грустно и одиноко») ¹³ Билла по мне стайками бегают мурашки. От этой протяжной блюграсс-ноты, заглушающей банджо и мандолины, становится ясно, что пережили солдаты, — и, если прислушаться, можно даже уловить отдаленный свист приближающегося поезда.

Искусство может превратить отчаяние в удивительное переживание, раскрыть другим опыт одиночества, осветить безвыходную ситуацию надеждой. Только искусство могло преобразовать стон измотанного солдата в глубокий опыт, объединяющий людей. Музыка, как и любое искусство, позволяет услышать мучительные эмоции, придать им форму, показать, позволить другим разделить их. Волшебство высокой ноты, в которой звучит одиночество, как и магия любого искусства, помогает нам признать свою боль и одновременно уносит нас от нее.

Когда мы слышим, как в чужой песне поется о превращениях любви или невыносимом горе, мы мгновенно перестаем чувствовать одиночество. Мы слышим: автор этой песни понимает, что творится с нами по эту сторону звука. Власть искусства — в этой трансформирующей силе, в умении устанавливать связь между автором и зрителем. Без этого не будет освобождения, потому что чужие переживания окажутся всего лишь информацией о том, что кому-то плохо. Искусство умеет преодолевать

межличностные границы. Объединяющая его сила шепчет: «Ты не одинок».

Во всем мире сейчас звучит этот высокий и одинокий стон. Наши сердца разбиты. Мы выбрали разные фракции на основании своих политических и прочих идеологических убеждений. Мы отвернулись друг от друга. Наши глаза налиты яростью, мы стремимся найти виноватых. Мы безгранично одиноки. И нам страшно. Дико страшно!

Мы больше не собираемся, чтобы делиться пережитым под звуки песни или рассказ историй. Мы ругаемся, распаяясь все сильнее, кричим все громче, отходим дальше еще и еще на шаг. Вместо того чтобы танцевать и молиться бок о бок, мы сбегает. Вместо того чтобы выдумывать безумные новые способы, чтобы все изменить, мы молчим, запершись каждый в своем бункере, а высказываемся только в замкнутом мирке, где все заведомо согласны друг с другом.

Когда я смотрю на данные, собранные нашей командой исследователей — а это больше двухсот тысяч интервью, — мне становится очевидно: наш мир находится в глубоком духовном кризисе.

Давайте вспомним определение духовности из «Даров несовершенства»:

«Духовность — это **узнавание и празднование неразрывной, объединяющей** нас мощной силы. Это согласие с тем, что наша связь друг с другом — посредством этой силы — основана на любви и сопереживании».

Прямо сейчас мы не узнаем и не принимаем с радостью неразрывную, объединяющую нас мощную силу. Мы отделились от других практически в каждом аспекте жизни. Мы не поддерживаем друг друга, опираясь на внутреннюю связь. Цинизм и недоверие свили гнезда в наших сердцах. Вместо того чтобы двигаться к будущему, в котором власть делится *между* людьми, мы как общество совершаем обратный кувырок к ситуации, в которой власть диктаторов нависает *над* людьми.

Называть такой кризис своими словами — неслыханная смелость. Большинство из нас выбирают либо уйти от конфликта, уязвимости и дискомфорта в молчание, либо твердо выбрать и отстаивать одну из сторон в бесконечном конфликте, парадоксально превращаясь в тех, с кем вообще-то собирались бороться. В любом случае наши способы защиты своих принципов (и себя) оборачиваются потерей связей с другими людьми, страхом и одиночеством. Мало кто выбирает поговорить с «ними», в основном разговоры ведутся между «нами».

В то же время поиск любви и настоящей причастности может привести к удивительным выводам. Я надеюсь, результаты моего исследования прольют свет на причину, по которой на пути к настоящей причастности требуется осмелиться на покорение диких условий.

Давайте рассмотрим, на чем основан нынешний кризис. В первую очередь — это линия, разделяющая «наших» и «чужих».

РАССОРТИРОВАННЫЕ

Билл Бишоп пишет в книге «Большая сортировка»:

«Люди выбирают себе социальные установки. Люди выбирают, в какой группе они чувствуют себя уютнее всего. Нация делится на части, исходя из политических принципов. Тем временем польза от наличия множества разных вариантов теряется в обостренном чувстве собственной правоты, присущем однородным группам. Мы видим результат дележки: раздробленные сообщества, каждое из которых считает соседей невыносимыми; растущее непринятие политических разногласий, из-за которого невозможно найти общее решение для целой страны; политическая борьба раскалилась до такой степени, что Конгресс заходит в тупик, а выборы представляют собой не путь к дальнейшему развитию, а горькое состязание между стилями жизни¹⁴».

Книга Билла вышла в 2009 году. А потом наступили выборы 2016 года. Возможно, Биллу пора написать сиквел: «САМАЯ большая сортировка».

Бишоп рассказывает, как мы пришли к делению по географическому, политическому и духовному принципам и в чем проблема такого подхода. Ограничивая свой круг